

*Снятая утвердительность и
неверидиктальность (на примере
русских местоимений отрицательной
полярности)*

Elena Paducheva

Russian Linguistics

International Journal for the Study of
Russian and other Slavic Languages

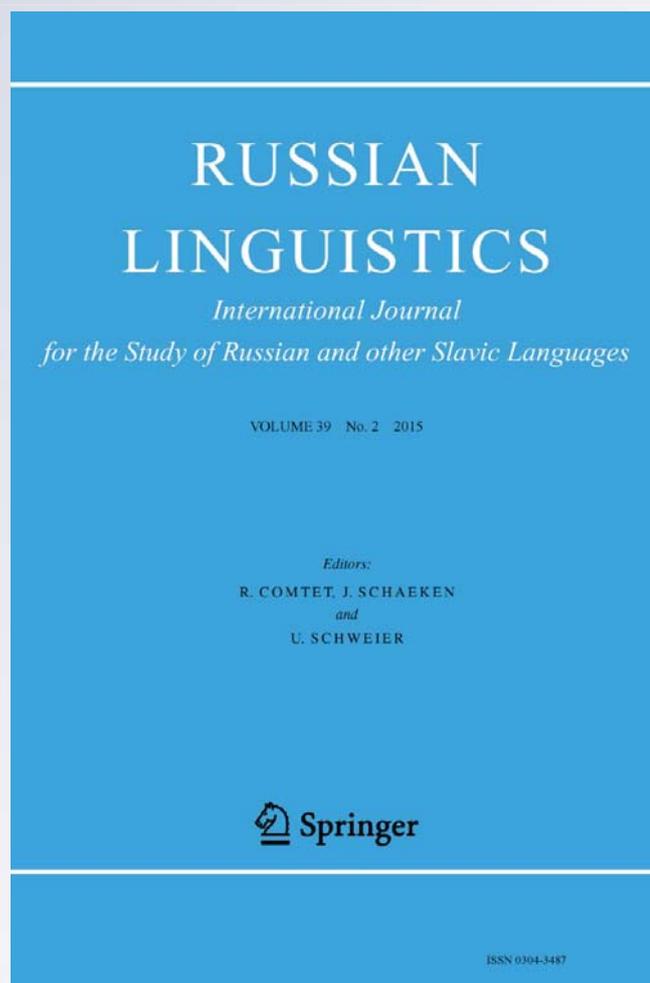
ISSN 0304-3487

Volume 39

Number 2

Russ Linguist (2015) 39:129-162

DOI 10.1007/s11185-015-9145-6

Your article is protected by copyright and all rights are held exclusively by Springer Science +Business Media Dordrecht. This e-offprint is for personal use only and shall not be self-archived in electronic repositories. If you wish to self-archive your article, please use the accepted manuscript version for posting on your own website. You may further deposit the accepted manuscript version in any repository, provided it is only made publicly available 12 months after official publication or later and provided acknowledgement is given to the original source of publication and a link is inserted to the published article on Springer's website. The link must be accompanied by the following text: "The final publication is available at link.springer.com".

Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности)

Suspended assertion and nonveridicality: the case of Russian Negative Polarity Items

Elena Paducheva¹ (Е. В. Падучева)

Published online: 23 April 2015
© Springer Science+Business Media Dordrecht 2015

Аннотация Работа посвящена русским местоимениям ‘отрицательной полярности’ (NPI—Negative Polarity Items), а именно, местоименной серии на *-либо* (*какой-либо*, *что-либо* и т.д.), которая уже трактовалась в ряде работ как NPI, и серии на *бы то ни было* (*какой бы то ни было* и т.д.), которая до сих пор не была распознана как принадлежащая к NPI-классу. Местоимения отрицательной полярности сопоставляются в работе с ‘нереферентными неопределенными’ местоимениями (NSI—Non-Specific Indefinite), т.е. с местоименной серией на *-нибудь* (*какой-нибудь*, *что-нибудь* и т.д.).

Круг контекстов, допускающих NPI, составляет загадку: во многих языках NPI лицензируются не только контекстом отрицания, но и контекстом условия, вопроса и рядом других. В работах Анастасии Яннакиду, начиная с 1995, разрабатывается идея о том, что круг контекстов, допускающих NPI, охватывается понятием ‘неверидиктальность’ (\approx безотносительность к истине), иначе—нереферентность. Оказывается, однако, что в русском языке нереферентность пропозиции составляет лицензирующий контекст для NSI-местоимений, а NPI уместны лишь в небольшой части этих контекстов—в отрицательных и примыкающих к ним. Так, из вопросительных контекстов общий, т.е. ДА-НЕТ-вопрос лицензирует NPI, а WH-вопрос—нет.

Обращается внимание на то, что понятие неверидиктальности, возникшее в 90-е годы в формальной семантике, очень близко к понятию ‘снятой утвердительности’, которое было введено Уриелем Вейнрейхом в 1963 году и с тех пор активно используется в русскоязычной экспликативной (\approx когнитивной) лингвистике.

Abstract The paper is devoted to Russian NPI (Negative Polarity Item) pronouns, namely, to the pronominal series on *-libo* (*kakoj-libo*, *čto-libo*, etc.), which was treated as a NPI in

Статья написана при поддержке гранта РФФИ 14-18-03270 *Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания*. Автор выражает благодарность Барбаре Парти, М. Р. Пентусу и Г. К. Бронникову за помощь и комментарии.

✉ E. Paducheva
elena.paducheva@yandex.ru

¹ Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, ВИНТИ РАН (Всероссийский Институт научной и технической информации Российской Академии Наук), Москва, Россия

several papers, and to the series on *by to ni bylo* (*kakoj by to ni bylo*, etc.), which up till now was not recognized as belonging to the NPI-class. NPI-pronouns are compared with non-specific indefinite pronouns (NSI pronouns), i.e. with the pronominal series on *-nibud'* (*kakoj-nibud'*, *čto-nibud'*, etc.).

The set of contexts licensing NPI presents a riddle: in many different languages NPIs are licensed not only by negative contexts but also by the context of condition, question and some others. In a series of papers by A. Giannakidou the idea is developed that the set of contexts licensing NPI is covered by the notion 'nonveridicality' (*nonveridical* \approx without regard to the truth, non-referential). Yet, it turns out that in Russian nonveridicality of a proposition constitutes a licensing context for NS-pronouns, while NPIs are at place only in a small subset of these contexts—in negative contexts and those adjacent to them; for example, YES-NO-questions license NPIs, while WH-questions don't.

Attention is paid to the fact that the notion of nonveridicality, which emerged in the framework of formal semantics in the late 90s, is related to the notion of 'suspended assertion', which was introduced by U. Weinreich in 1963 and has since then been widely used in Russian explicative (\approx cognitive) linguistics.

1 Снятая утвердительность и неверидиктальность

Термин 'снятая утвердительность' ('suspended assertion') принадлежит У. Вейнрейху (ср. Вейнрейх 1970 (Weinreich 1963), с. 173). Вейнрейх называет индикатив 'утвердительно-наклонением' (в самом деле, индикатив выражает утвердительную, т.е. ассертивную, иллокутивную модальность) и перечисляет средства, которые используются в разных языках для того, чтобы снять утвердительность, изначально при-сущую индикативу. Это показатели снятой утвердительности ('assertion suspending devices'), т.е. языковые средства нейтрализации утвердительности ('neutralization of assertiveness', или 'suspension of assertion'). К ним принадлежат: конъюнктив, т.е. сослагательное наклонение; императив и вопросительность; отчасти косвенная эвиденциальность и будущее время. Ту же роль выполняют номинализованные и инфинитивные конструкции.

Эти показатели создают для пропозиции контекст снятой утвердительности. Такой же контекст создают модальные слова (типа *может, хочет, должен, необходимо*), отрицание, дизъюнкция, целевые и условные союзы; предикаты пропозициональной установки, выражающие неуверенность, предположительность, нереальность.

По Вейнрейху (1970), утвердительная иллокутивная модальность—необходимое условие для того, чтобы пропозиция была соотнесена с реальностью: пропозиция в контексте снятой утвердительности не имеет ни реальной, ни ирреальной объективной модальности, т.е. употребляется безотносительно к истине. На самом деле, тут нужна поправка: в контексте фактивного или имплицативного глагола/предикатива, когда пропозиция оказывается пресуппозицией или имплицативом, она, не имея утвердительно-иллокутивной силы, имеет, однако, истинностное значение—является истинной. Например, в контексте (1) пропозиция 'Маша вернулась' истинна—она лишена утвердительно-иллокутивной силы, но не истинностного значения:

- (1) Я рад, что Маша вернулась.¹

¹Примеры, источники которых не указаны, мои—Е.П.

В любом случае контекст утверждения играет важную роль. В контексте утверждения пропозиция обретает говорящего, который несет ответственность за ее истинность, иначе—берет на себя эпистемическое обязательство (ср. в этой связи парадокс Мура (Moore 2003): фраза *Она красива, но я так не считаю* аномальна, поскольку говорящий обязан считать истинным то, что он утверждает). Ведь и фактивность предиката тоже работает только при условии, что предикат имеет утвердительное употребление. Так, в контексте (2а), где пропозиция с глаголом *уронить* утверждается, отказ представляется говорящим как имеющий место, а в (2б), где этот глагол в сослагательном наклонении и не утверждается, утрачивается и пресуппозиция отказа:

- (2) а. Отказ от игры *уронил* Фишера в глазах шахматистов.
б. Отказ от игры *уронил бы* Фишера в глазах шахматистов.

Термин ‘снятая утвердительность’ получил распространение в значении ‘безотносительность к истине’. Он использовался в Падучева (1985, с. 94–97, 2004, с. 297–298, 328–329, 2005, 2011, 2013), в Богуславский (2001, 2008), Борщев и др. (2008), Добровольский (2011) и др. Так что за ним можно сохранить право на существование—в следующем значении: пропозиция имеет снятую утвердительность, если говорящий не несет ответственности за ее истинность, т.е. не утверждает ее, а также не предполагает в виде презумпции или следствия.

С конца 90-х годов прошлого века в англоязычной лингвистической литературе возникает термин ‘nonveridicality’ (предлагаемый перевод на русский язык—‘неверидиктальность’), см. Zwarts (1995), Giannakidou (1998, 2006), Karttunen и Zaenen (2005) и мн. др. Эти работы рассматривают примерно тот круг явлений, которые охватываются термином снятая утвердительность, но в рамках другой теории—в формальной семантике (см. полноценный обзор работ по формальной семантике в Abbott 1999). Возникает задача сравнить результаты, полученные при разных подходах.

Формальная (= теоретико-модельная) семантика сводит смысл к условиям истинности. А термин ‘снятая утвердительность’ возник в рамках семантики, которая определяет смысл с помощью ‘толкований’, т.е. экспликаций (см., например, Апресян 1974; Wierzbicka 1980). Эту семантику можно назвать ‘экспликативной’.

Экспликативная семантика оперирует с семантическими представлениями слов и предложений—имея в виду с их помощью объяснить ограничения сочетаемости слов, граммем и конструкций; предсказать массовые сдвиги значения, т.е. регулярную многозначность; моделировать языковые способности говорящего—такие как распознавание синонимии и семантической аномалии (в частности, той, которая лежит в основе понятия пресуппозиции); способность строить высказывание, которое является отрицанием данного, и совершать многие другие операции, предполагающие обращение к смыслу, см. Апресян (1999). Понятием смысла, которое не сводимо к истинности, пользуется А. Черч: «Смысл предложения можно описать как то, <...> что имеют общего два предложения в различных языках, если они правильно переводят друг друга» (Черч 1960, с. 31). Смысл у Черча участвует в определении понятия пропозиции. По свидетельству В. А. Успенского, английский термин *proposition* означает в книге Черча то, что является смыслом предложения, которое может быть истинным или ложным (см. Успенский 1960, с. 10). Т.е. по Черчу пропозиция—это смысл предложения, которое может быть использовано как утверждение.

2 Снятая утвердительность и русские неререферентные неопределенные местоимения (non-specific indefinite)

Понятие снятой утвердительности играет важную роль при описании русских неререферентных неопределенных местоимений (NSI—Non-Specific Indefinite), типа *какой-нибудь, кто-нибудь* и т.д. (см. Падучева 1985, с. 94–97, с. 215–220, 2007). Они практически недопустимы в утвердительном контексте, ср. **Он купил что-нибудь*, равно как и в фактивном контексте: **Хорошо, что он купил что-нибудь*. В то же время они употребляются в контексте снятой утвердительности—в косвенных наклонениях и в гипотаксической позиции: *Купи что-нибудь. Куплю что-нибудь. Он купит что-нибудь? Купить что-нибудь. Если он купил что-нибудь... Могу купить что-нибудь* и т.д. Они возможны также в контексте вопроса, императива, будущего времени, сослагательного наклонения, условия, нереальной модальности, дизъюнкции, дистрибутивности, узуальности и невозможны в контексте так называемых ‘эпизодических’ предикатов; так, в предложении *Кто-нибудь ей помог* имеется скрытая субъективная модальность—имеется в виду ‘наверно, кто-нибудь ей помог’.

Говоря о модальности, я различаю три ее типа—иллокутивная, объективная и субъективная; см. об этих трех типах модальности, например, Foley и Van Valin (1984), а также Падучева (2014).

В Падучева (2004) был представлен ряд других явлений, обусловленных контекстом снятой утвердительности: исчезновение семантических актантов у некоторых глаголов в прямой—не параметрической—диатезе; широкая сфера действия отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе и в предложениях с кванторными словами, и др. В данной работе речь идет о снятой утвердительности в применении к русским местоимениям отрицательной полярности (ОП). При этом я опираюсь на вышеупомянутую серию работ по формальной семантике, которые используют в данном контексте понятие неверидиктальность.

Термин отрицательная полярность (negative polarity) ведет свое начало от статьи Klima (1964). Одно из первых упоминаний об отрицательной полярности в русском языке—статья Апресян (1978), где, в частности, идет речь об идиоме *пальцем не пошевелить*, про которую указано, что отрицание является в ней не частью значения, а контекстом употребления—одним из возможных, поскольку есть и другие, например: *Я удивлюсь, если он хоть пальцем пошевелит, чтобы нам помочь*.

3 Неверидиктальность и отрицательная полярность

Определение неверидиктальности рассматривает контекст как пропозициональный оператор. Пропозициональный оператор (или контекст) F является для пропозиции p веридиктальным, если и только если Fp имеет следствием или пресуппозицией p ; в противном случае оператор (или контекст) F является неверидиктальным (см. Zwarts 1995; Giannakidou 1998). Например, контекст *Возможно, Маша вернулась* является неверидиктальным для пропозиции ‘Маша вернулась’.

Согласно этому определению, неверидиктальность—это то же, что снятая утвердительность в уточненном варианте определения. Как сказано в Giannakidou (1999), «nonveridical contexts are undefined with respect to truth or falsity». Возможность

неутвердительно, иначе—неассертивного, употребления предложений подробно обсуждается в Черч (1960, с. 357).

В статье Zwarts (1995) неверидиктальность была использована при анализе слов и оборотов с отрицательной полярности ('Negative Polarity Items', сокращенно—NPI). В центре внимания—контексты употребления этих единиц.

Единицы с отрицательной полярностью есть практически во всех языках мира. Набор контекстов в разных языках разный, но всегда оказывается, что это не только отрицание. Долгое время исследовалась возможность связать этот набор контекстов с понятием 'downward entailment', см. Ladusaw (1980). Однако в статье Zwarts (1995) и в многочисленных работах А. Яннакиду возникает более привлекательная идея о том, что условием, лицензирующим NPI, является контекст неверидиктальности.

Общим свойством NPI является их референциальная неполноценность. NPI—это, в первую очередь, именные группы (ИГ) с ограниченными референциальными возможностями: такие, которые не обозначают конкретных объектов и не вводят их в контекст речевого акта. Отсюда тяготение этих ИГ к неутвердительным (иначе говоря—к неверидиктальным) контекстам. Отношения между NPI и контекстами 'downward entailment' обсуждается в Разд. 12.

4 Неопределенные местоимения

Местоимения отрицательной полярности—это одна из разновидностей неопределенных местоимений. На базе Haspelmath (1997) можно выделить следующие основные классы неопределенных местоимений в русском языке:

1. Слабоопределенные местоимения (*Кое-кто тогда ко мне пришел. Некоторые испугались. Один мальчик боялся волков*);
2. местоимения неизвестности, иначе—референтные неопределенные, в англоязычной терминологии—'specific indefinite' (*Кто-то стучит в дверь*);
3. отрицательные местоимения (*Он не пригласил никаких студентов*);
4. нереферентные неопределенные местоимения, англ. Non-Specific Indefinite, NSI (*Возможно, я что-нибудь упустил*); особое значение возникает у этих местоимений в контексте так наз. минимизатора *хоть*² (*Приведи хоть какой-нибудь пример*);
5. местоимения отрицательной полярности (*Я не обязан отчитываться перед кем-либо / перед кем бы то ни было*);
6. местоимения свободного выбора (*Возьми любую книгу. Спроси кого угодно*).

Противопоставление референтных и нереферентных неопределенных местоимений отчетливо дает себя знать, например, в контексте императива; так, побуждение *Принеси какую-нибудь книгу* осмысленно, а **Принеси какую-то книгу*—нет (см. Падучева 1985, с. 212).

Местоимения отрицательной полярности, которым посвящена данная работа,—это местоимения на *-либо* (*кто-либо, какой-либо* и т.д.) и обороты на *бы то ни было* (*кто бы то ни было, какой бы то ни было* и т.д.), точнее—на *бы ни*, поскольку следует принять во внимание также употребления в составе обособленных оборотов—*каков бы ни был, кто бы ни был* и т.д.,—где *то* отсутствует. Русские местоимения

²О противопоставлении specific vs. non-specific indefinite см. Haspelmath (1997, с. 37–45, с. 95–98); о минимизаторах и шкалах см. Haspelmath (1997, с. 111–118).

ОП рассматривались в Pereltsvaig (2000), Богуславский (2001, 2008), Tatevosov (2002), Рожнова (2009), Падучева (2011), но остаются еще проблемы, которые требуют решения.

В русской грамматике принято различать местоимения (например, *кто, какой*) и местоименные наречия (например, *где, когда*). Мы здесь называем, для сокращения, обе группы слов местоимениями.

Местоимения с трудом поддаются толкованию. Основным методом семантического анализа остается для них дистрибутивный—через сочетаемость. С семантической точки зрения важно, что слабоопределенные и референтные неопределенные местоимения—это, в своем основном значении, термовые операторы, а все остальные неопределенные местоимения—это кванторные слова, они трактуются как сентенциальные операторы, имеющие сферой действия пропозицию.

Местоимения на *-либо* и на *-нибудь* в словарях считают синонимами. Между тем, это слова с существенно различной семантикой и сочетаемостью, ср., например, нормальное *отсутствуют какие-либо сведения* и невозможное (в веридиктальном контексте) **отсутствуют какие-нибудь сведения*. Другое дело, что местоимение на *-либо* может употребляться в значении местоимения на *-нибудь*, см. пример (189) в Разд. 11.

Контексты употребления для *-либо* и *бы то ни было* совпадают не полностью. Но в основных контекстах они ведут себя одинаково; различия отмечены в Разд. 8.

Прежде чем говорить о местоимениях ОП, коротко остановимся на отрицательных, нереперентных местоимениях и местоимениях свободного выбора; о слабоопределенных и референтных неопределенных местоимениях см. Падучева (1985, с. 90–93).

4.1 Отрицательные неопределенные местоимения

Русские отрицательные местоимения (т.е. местоимения на *ни-*: *никто, никакой* и т.д.) иногда относят к NPI (см., например, Pereltsvaig 2000), что неправильно. Прототипические отрицательно поляризованные единицы, такие как англ. *any* или русское *пальцем (не) пошевелит, чтобы...*, сами по себе отрицательными не являются. Между тем отрицательные местоимения сами по себе выражают отрицание. Кроме того, все классические NPI возможны также и за пределами отрицательного контекста, а отрицательные местоимения употребляются только в контексте отрицания. Я исхожу из того, что отрицательное местоимение—это нереперентное неопределенное местоимение, NSI, в соединении с отрицанием, в сфере действия которого оно находится.

В сущности, русское отрицательное местоимение подобно английскому (*никто = nobody*): оно отличается от английского только тем, что в русском языке действует правило обязательного отрицательного согласования—местоимение на *ни-* требует отрицания при сопредикатном глаголе: *Никто мне тогда не помог*. (Аналогичное правило есть, например, в литовском, грузинском, греческом.) А в английском такого правила нет.

Отрицательное согласование затрагивает не только глагол, но и все другие NSI той же пропозиции, ср. в примере (3) русское *ничего*, отрицательное местоимение, которому в англ. переводе соответствует *anything*, не отрицательное.

- (3) а. *Никто*, кроме Павла, *ничего не* видел.
б. *Nobody* but Paul saw *anything*.

В Giannakidou (2011) отрицательные местоимения в языках с отрицательным согласованием отнесены к классу NPI—к особому подклассу ‘строгих’ NPI, к которому в английском относится одно только слово *either*. Я рассматриваю отрицательные местоимения в русском языке как особый класс, отличный от NPI: не относятся к NPI и английские отрицательные местоимения.

4.2 Нереперентные неопределенные местоимения

Нереперентные неопределенные местоимения на *-нибудь* выражают non-specific indefinite reference—т.е. экзистенциальную квантификацию, см. Падучева (1985, с. 94). Они допустимы только в сфере действия того или иного оператора снятой утвердительности, т.е. в неверидиктальном контексте. (В Разд. 9 будет показано, что это обусловлено их морфологической структурой.)

Допустимый контекст для местоимений на *-нибудь* составляют почти все мыслимые операторы снятой утвердительности. Имеется лишь два-три исключения (см. Падучева 1985, с. 215–220).³

1. Контекст отрицания типично неверидиктальный, но требует (для выражения экзистенциальной квантификации) не местоимения на *-нибудь*, а отрицательного:⁴

(4) Он ничего не изменил = ‘неверно, что он изменил [хоть] что-нибудь’.

2. Контекст долженствования неверидиктальный, но допускает и *-нибудь*, и *-то*, причем *-то* предпочтительно (см. об этом Падучева 1985, с. 220; поставленный в Dahl 1970 вопрос, является ли замена *-нибудь* на *-то* в контексте долженствования формальным согласованием или семантическим противопоставлением, остается открытым); так, в примере ниже хочется исправить *-нибудь* на *-то*:

(5) – Послушайте, я же знаю, что у вас должно быть *что-нибудь* еще.

(НКРЯ: В. Голяховский. *Русский доктор в Америке*. 1984–2001)

3. Контекст предиката неуверенного восприятия является неверидиктальным (из *Кажется, Ваня вернулся* не следует ‘Ваня вернулся’); однако в этом контексте употребляется местоимение неизвестности, как и в контексте обычного предиката восприятия, т.е. референтное неопределенное местоимение на *-то*:

(6) *Кажется, *кто-нибудь* стучит → Кажется, *кто-то* стучит.

В контексте глагола речи, неверидиктальном, тоже употребляются местоимения неизвестности, а не местоимения на *-нибудь*:

(7) *Говорят, что он *кого-нибудь* отравил → Говорят, что он *кого-то* отравил.

Ниже следует перечень контекстов, лицензирующих местоимение на *-нибудь*. Он будет дальше служить—с учетом вышеперечисленных оговорок—как эталон для диагностирования неверидиктальности.

³Примеры, источники которых представлены сокращением ‘НКРЯ’—из Национального корпуса русского языка, <http://ruscorpora.ru/>.

⁴Употребление отрицательного местоимения может быть не обязательно в модальном контексте в случае особого глобального отрицания (Падучева 2013, с. 60), ср. (i):

(i) Откусила, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы *чего-нибудь* *не* уронить [...].

(НКРЯ: Ф. Кнорре. *Родная кровь*. 1962)

1. Отрицание

Обычно местоимение на *-нибудь* совместимо с сопредикатным отрицанием только в том случае, если оно не входит в сферу действия этого отрицания:

- (8) Если *кто-нибудь* не являлся на работу по болезни, он воспринимал это как личное оскорбление. (НКРЯ: В. Ф. Панова. *Кружилиха. Роман.* 1947)

В сфере действия отрицания вместо местоимения на *-нибудь* употребляется отрицательное:⁵

- (9) *Никто* не являлся на работу.
 (10) Не думаю, чтобы он *что-нибудь* изменил.
 (11) *Я не доволен тем, что он *что-нибудь* изменил.

2. Сопредикатная ИГ с квантором общности или с числовым квантором существования

Местоимения на *-нибудь* допустимы в контексте сопредикатной ИГ, связанной квантором общности. Обычно у *-нибудь* в этом контексте есть дополнительное значение дистрибутивности — ‘для каждого свой’:

- (12) [...] хорошо, что каждый *что-нибудь* принес [...].
 (НКРЯ: Д. Быков. *Орфография.* 2002)

Местоимение на *-нибудь* возможно также в контексте сопредикатной ИГ с числовым квантором существования, обычно с минимизатором *хоть*:

- (13) Ровно три человека видели [*хоть*] *что-нибудь*.

3. Узуальность и многократность

- (14) С такими, как он, часто *что-нибудь* случается.
 (15) Дарья обычно звонит *кому-нибудь*, когда ей скучно.
 (16) [...] поминутно принужден он был удерживаться от *какой-нибудь* грубости.
 (А. С. Пушкин)⁶

4. Условие

а) Контекст придаточного условного:

- (17) Если он *что-нибудь* утаил, он за это заплатится.
 (18) Если бы он *что-нибудь* знал, он бы сказал.

⁵Употребление отрицательного местоимения может быть не обязательно в модальном контексте, где отрицание как бы ‘приклеивается’ к модальному показателю (Богуславский 2002) и оказывается не сопредикатным, а вышестоящим:

- (i) [П]ока меня несли с берега в деревню на вытянутых руках, я, оглядывая с высоты окрестности, поглядывал также, чтобы *чего-нибудь* не стянули из «НЗ».
 (НКРЯ: М. Панин. Камикадзе. *Звезда.* 2002)
 (ii) Почти не найти семьи, в которой *кто-нибудь* не пострадал бы.
 (НКРЯ: Б. Б. Вахтин. *Этот спорный русский опыт.* 1978)

⁶Доступ: <http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0868.htm> (12 марта 2015 г.).

б) Контекст деепричастного оборота:

- (19) Испугавшись *чего-нибудь*, он в поисках защиты мчался ко мне и прыгал на руки. (НКРЯ: В. Запашный. *Риск. Борьба. Любовь*. 1998–2004)

в) Целевой оборот допускает местоимения на *-нибудь* так же, как условный:

- (20) [...] я спустилась в буфет, чтобы *что-нибудь* перекусить [...]. (НКРЯ: И. А. Архипова. *Музыка жизни*. 1996)

г) Ограничитель в составе ИГ с универсальной квантификацией—это скрытое условие (например: *Всякий, кто что-то делает, несет ответственность* = ‘всякий [человек] если он что-то делает, несет ответственность’, Падучева 1974, с. 136). Поэтому местоимения на *-нибудь* допустимы в этом контексте так же, как в контексте условия:

- (21) Всякий, кто *что-нибудь* для нее сделает, будет вознагражден.

д) То же самое верно для ограничительного условия к ИГ в обшеровом (‘generic’) значении:

- (22) Человека, который *что-нибудь* для нее сделает, она отблагодарит.

5. Вопрос, общий и частный

- (23) *Кто-нибудь* приходил? У кого есть *что-нибудь* почитать?

6. Дизъюнкция, т.е. разделительные союзы *или* и *либо... либо*

- (24) Он взял с собой Машу или *кого-нибудь* из ее подруг.

7. Модальности: возможность и необходимость

а) Возможность, в том числе—эпистемическая:

- (25) [о]н может *кого-нибудь* убить, и ему ничего не будет. (НКРЯ: В. Козлов. *Перед экзаменами*. 2002)

- (26) *Кто-нибудь* мог ее обидеть.

б) Необходимость, долженствование:

- (27) Он должен *что-нибудь* сделать.
 (28) Придется *кого-нибудь* попросить помочь.
 (29) Необходимо было с *кем-нибудь* посоветоваться.

В контексте *должен* в прош. времени, т.е. *должен был*, у подчиненной пропозиции возникает, в качестве одной из интерпретаций, презумпция факта. Для *вынужден был* или *пришлось* эта интерпретация единственная; контекст становится веридиктальным, отсюда запрет на *-нибудь* (эта проблематика обсуждается, в связи с англ. *must* и *have to*, в Goddard 2014):

- (30) *Пришлось *кого-нибудь* попросить помочь.

8. Грамматическое будущее время

- (31) Мы еще встретимся *где-нибудь*.

9. Установки, касающиеся будущего

а) Желание, в том числе—выраженное оптативом и другими конструкциями с частицей *бы*:

- (32) Он хочет *куда-нибудь* поехать.
- (33) Он стремится *что-нибудь* узнать о своих родственниках.
- (34) Он ищет *что-нибудь* интересное для тебя.
- (35) Хорошо бы он *что-нибудь* купил поесть.
- (36) Поехать бы ему *куда-нибудь* отдохнуть!
- (37) Если бы *кто-нибудь* это знал!

б) Просьба, предложение, в том числе—выраженные формой императива:

- (38) Он просит *что-нибудь* почитать.
- (39) Дайте *чего-нибудь* поесть.
- (40) Позвольте мне *что-нибудь* взять на память;
- (41) Скажи *что-нибудь*! Спойте нам *какой-нибудь* романс!

в) Разрешение, согласие, уступка, готовность:

- (42) Можешь пойти *куда-нибудь* погулять.
- (43) Я согласен *что-нибудь* добавить.

10. Сомнение, предположительность, нереальность и просто мнение

- (44) Сомневаюсь, что он *что-нибудь* сделал.
- (45) Боюсь, что он *что-нибудь* напутал.
- (46) Наверно, его *кто-нибудь* известил.
- (47) Странно, чтобы он *что-нибудь* нашел.
- (48) Едва ли он *что-нибудь* исправил.
- (49) Я думаю, ей *кто-нибудь* помог; ср. *Я знаю, что ей *кто-нибудь* помог.
- (50) Надеюсь, *что-нибудь* осталось.

Сослагательное наклонение, которое выражает нереальность, тоже лицензирует *-нибудь*:

- (51) Это решило бы *какие-нибудь* ваши проблемы.

Лицензирует *-нибудь* модальность обусловленности (Падучева 2014):

- (52) Если Катя дома, в холодильнике уже *что-нибудь* есть. (Fitzgibbons 2014)

11. Сравнение

- (53) Я знаю о вас больше, чем *кто-нибудь*.
(НКРЯ: А. С. Грин. *Дорога никуда*. 1929)

К местоимению *какой-нибудь* близок по значению оборот *тот или иной*:

- (54) [мы] уверены, что *тот или иной* механизм для изъятия ренты вскоре будет принят.
(НКРЯ: Б. Жуков. Переоценка ценностей. *Еженедельный журнал*, 2003.03.17)
- (55) Тексты эти не придуманы авторами картин, а взяты из *того или иного* древнейшего источника, анонимного или известного.
(НКРЯ: *Народное творчество*, 3, 2004)
- (56) Иногда мы по *той или иной* причине откладывали запись.
(НКРЯ: В. Костиков. *Роман с президентом*. 1996)

Впрочем, в (57) и (58) *тот или иной* скорее имеет значение ‘какой-то’:

- (57) Если нам известно, что *тот или иной* политический деятель настроен резко против Церкви Христовой, то мы должны сказать об этом верующим.
(НКРЯ: А. Верховский. Между паствой и электоратом. *Еженедельный журнал*, 2003.04.08)
- (58) Известны в истории литературы случаи, когда читательское восприятие *того или иного* произведения определялось репутацией издания, в котором оно было опубликовано [...].
(НКРЯ: Ю. М. Лотман. *Семиотика культуры и понятие текста*. 1981)

Оборот *тот или иной*, как и *-нибудь*, тяготеет к неверидиктальным контекстам, см. в этой связи Разд. 9.

Экзистенциальную квантификацию выражает также слово *некоторый*—оно относится к слабоопределенным местоимениям, но может употребляться и в экзистенциальном значении, см. Падучева (1985, с. 94). Но *некоторый*, в отличие от *-нибудь*, может быть главным сентенциальным оператором предложения, т.е. вполне допускает веридиктальное употребление:

- (59) *Некоторые* реки летом пересыхают = *Есть* реки, которые летом пересыхают.

4.3 Местоимения ‘свободного выбора’

В Haspelmath (1997) в число неопределенных местоимений были включены местоимения ‘свободного выбора’ (англ. Free Choice, сокращенно—FC). В частности, к этому классу были отнесены русское *любой* и серия местоимений на *угодно*. Такая трактовка *любой* была справедливо оспорена в Tatevosov (2002): *любой* семантически близко к *всякий*, которое выражает универсальную квантификацию, а не экзистенциальную, которая обычна для неопределенных местоимений.

В самом деле, построить семантическую классификацию местоимений можно только при условии, что класс местоимения определяется по его основному употреблению. Для *любой* это будет употребление вне сферы действия подчиняющих операторов—т.е. в веридиктальном контексте. Русское *любой* подобно англ. *any*, которое в Reichenbach (1947) считается свободной переменной, т.е. переменной с максимальной сферой действия. А тогда *любой* близко по значению к *всякий, все*:

- (60) *Любой* ребенок любит сказки.

Иными словами, в своем основном употреблении *любой* выражает не неопределенную, а обобщенную референцию, т.е. универсальную квантификацию. Это главный

сентенциальный оператор предложения, т.е. оператор с максимальной сферой действия (см. Падучева 2007):

(61) Любое заявление должно быть рассмотрено.

(62) Мы рады *любому* гостю.

Слову *любой* соответствует главный сентенциальный оператор даже тогда, когда оно занимает подчиненную синтаксическую позицию—в именной группе, как в (63), или в контексте условия, как в (64).

(63) И крепло чувство освобождения *любого* русского от какой-либо солидарности с судьбами и благополучием режима.

[= 'у любого русского крепло чувство освобождения']

(НКРЯ: О. В. Волков. *Из воспоминаний старого теннисеца*. 1988)

(64) Если *любой* отрывок этого перевода напечатать в виде стихов, рифмы станут гораздо заметнее.

[= 'для любого отрывка, если его напечатать ...']

(НКРЯ: К. И. Чуковский. *Высокое искусство*. 1968)

(65) Описывая *любой* эпизод, он всегда придает ему горячую эмоциональность

(НКРЯ: К. И. Чуковский. *Репин—писатель*. 1930–1950)

Впрочем, в (64)–(65) *любой* взаимозаменяемо с *какой-нибудь* и может трактоваться как показатель экзистенциальной квантификации. В этом принципиальное отличие *любой* от *всякий*, которое в составе условной клаузы может выражать только универсальный квантор, сферу действия которого составляет эта клауза, и которое не взаимозаменяемо с *какой-нибудь*:

(66) Да, наконец, если *всякий* хаос рождается из недостатка разума, кому же и преодолевать его, если не разуму?

(НКРЯ: Ю. В. Ключников. *На великом историческом перепутье*. 1922)

Есть, однако, контексты, где семантика *любой* действительно связана с идеей выбора. Это контексты разрешения или обязательства—тут возникает подразумеваемый субъект выбора:

(67) В награду *любого* возьмешь ты коня [субъект выбора совпадает с субъектом действия (*взять*)].

(68) Я выполню *любую* твою просьбу [субъект выбора просьбы не совпадает с субъектом действия, выполняющим просьбу].

Так что *любой* выражает экзистенциальную квантификацию, но отчетливо отлично от *какой-нибудь*. Так, в контексте речевого акта разрешения *любой* предполагает за исполнителем действия возможность выбора участника, а в семантике *какой-нибудь* ничего такого нет:

(69) Возьми *любую* книгу. \neq Возьми *какую-нибудь* книгу.

Семантика выбора прослеживается далеко не во всех контекстах; так, в (70) о *любом* значит 'о любом, которое возникнет' и не значит 'о любом, какое захочешь':

(70) Сообщай о *любом* изменении вашего маршрута.

Различие между *любой* и *-нибудь* обнаруживает частица *хоть*. В Паршин (2003) показано, что у *хоть*, помимо известного значения *хоть*-минимизатор (которое связано с *-нибудь*), имеется значение *хоть*-максимизатор, которое связано с *любой* и с идеей 'даже' (см. Haspelmath 1997, с. 112–118). Различие можно продемонстрировать на контекстах *МОГУ* и *ХОЧУ*.

МОГУ + *хоть*-мини допустимо, как и *-нибудь*, только в неверидиктальных контекстах, таких как вопрос (71), отрицание (72), условие (73):

(71) Можно ли взять *хоть* один стул?

- (72) а. НЕ (можно взять хоть один стул.)
[= Нельзя взять даже один стул.]
б. НЕ (можно сделать хоть маленькую щель.)
[= Нельзя сделать даже маленькой щели.]
в. НЕ (можно хоть где-нибудь разместиться.)
[= Нельзя нигде разместиться.]

(73) Если можно *хоть* издали на него посмотреть, то и то хорошо.

В веридиктальном контексте *МОГУ* + *хоть*-мини звучит странно:

(74) Можно взять *хоть* один стул.

Между тем *МОГУ* + *хоть*-макси, как и *любой*, свободно употребляется в веридиктальных контекстах:

(75) Могу *хоть* по горло вас загипсовать.
(НКРЯ: А. Геласимов. *Дом на Озерной*. 2009)

(76) Я могу *хоть* целую ночь бродить по Москве.
(НКРЯ: Ю. Бондарев. *Берег*. 1975)

Напротив, *ХОЧУ* + *хоть*-мини допустимо в веридиктальных контекстах:

(77) Хочу взять у вас *хоть* один стул.

(78) Хочу *хоть* изредка вас видеть.

(79) Может, когда-нибудь я раскаюсь в своем решении, но сейчас просто хочу *хоть* чем-то помочь.

(НКРЯ: Н. Градина, В. Емельяненко. Чужие. В России все меньше желающих приютить чеченских детей. *Известия*, 2003.01.10)

Значение максимизатора у *хоть* в контексте *ХОЧУ* не возникает. Поэтому в (80) *хоть* при одном и том же временном показателе *час* в контексте *ХОЧУ* имеет значение 'час—это мало', см. (80), а в контексте *МОГУ*—'час—это много', см. (81).

(80) Хочу *хоть час* с тобой поговорить.

(81) Он может *хоть час* говорить.

В Паршин (2003) приводятся примеры более сложных контекстов, но нам важно показать, что *хоть*-мини связано с *-нибудь*, а *хоть*-макси—с *любой*.

Итак, *любой* принципиально отличается от *-нибудь* тем, что не требует неверидиктального контекста, а может употребляться как главный сентенциальный оператор предложения.

Другое дело, что *любой* не имеет конкретной референции, т.е. невозможно в контексте ‘эпизодической’ пропозиции, приуроченной к конкретному моменту времени. Чаще всего, главным оператором в сфере действия *любой* является импликация, как в (82), модальность возможности, как в (83), или другой стативный предикат, как в (84).

(82) *Любой* врач скажет тебе, что курить вредно [т.е. скажет, если спросить].

(83) [*Л*] *любой* тромб может оторваться.
(НКРЯ: *Русский репортер*, 3(181), 2011.01.27)

(84) в. Ведь *любой* школьник знает, что Луна сама не светит, а лишь отражает солнечный свет.

(НКРЯ: В. Постников. *Карандаш и Самоделкин в стране людоедов*. 1996)

Для дальнейшего важно, что *любой* не вполне уместно, если вершиной пропозиции, которая составляет его сферу действия, является отрицание:

(85) Хочу быть правильно понятым—*любой* закон не может удовлетворить всех.
(НКРЯ: Н. Ратиани. Проблема в 3 триллиона. *Известия*, 2003.02.18)

(86) Понятно, что *любые* правила не страхуют от злоупотреблений.
(НКРЯ: М. Фишман. Кадры сытые... *Еженедельный журнал*, 2003.04.01)

И еще важно, что *любой*, в отличие от *всякий*, может ориентироваться на будущее или потенциальное существование квантифицируемого множества. Так, в (87) имеются в виду теории не только те, которые есть, но и те, которые будут; а в (88) не требуется непустоты предметной области—имеется в виду ‘преступление, если оно совершено’:

(87) *Любая* физическая теория изучает динамику через статику.

(88) Это освобождает его от ответственности за *любое* преступление.

Местоимение *любой* понято не до конца. Есть доля истины в том, что значение универсальной квантификации является для *любой* производным и возникает в контексте, где множество значений квантифицируемой переменной обращается в шкалу, см. Haspelmath (1997, с. 111–115) и в Horn (1989) о связи универсального значения FC с идеей ‘даже’. Так, в (89), где возникает шкала, *любой* более уместно, чем в (90), где лучше было бы сказать *всякий*:

(89) *Любой* школьник знает, что земля—шар.

(90) *Любой* ребенок любит мороженое.

Однако на современном уровне наших знаний ‘свободный выбор’—это лишь одно из значений русского *любой*. Оно представлено относительно маргинальными примерами (67) и (68), в побудительном контексте, не представимом на языке классической математической логики. Два других значения—это универсальная квантификация, когда *любой* имеет веридиктальный контекст и выражает квантор общности с максимальной сферой действия, и экзистенциальное значение, NSI, которое может быть выражено также местоимением на *-нибудь*, как в (64), (65). Переходим теперь к местоимениям ОП.

5 Местоимения отрицательной полярности: допустимые контексты

Исходное предположение, сформулированное в работах А. Яннакиду, состоит в том, что местоимения ОП употребляются в неверидиктальных контекстах, т.е. в сфере действия какого-то подчиняющего семантического оператора. Мы возьмем за основу тот перечень неверидиктальных контекстов, который был составлен в Разд. 4.2 на основе *-нибудь*. Оказывается, что ОП допустимы далеко не во всех.

1. Отрицание

а) Сопредикатное отрицание:

В отличие от местоимений на *-нибудь* (**Иван не видел там каких-нибудь студентов*), местоимения ОП возможны в этом основном неверидиктальном контексте:

- (91) Иван не видел там *каких бы то ни было/каких-либо* студентов.

Но отрицательные местоимения предпочтительны:

- (92) Иван не видел там *никаких* студентов.

- (93) *Никто*, кроме меня, *ничего* не видел.

б) Отрицание в составе вышестоящей предикации:

Исключены местоимения на *-нибудь*, как и в примере а) **Он не был расположен выслушивать какие-нибудь оправдания*; отрицательные местоимения возможны, но ОП предпочтительны:

- (94) Он не хочет *ничего* менять.

- (95) Он не был расположен выслушивать *какие бы то ни было/какие-либо* (**никакие*) оправдания.

в) Сопредикатное внутрисловное отрицание:

Исключены и местоимения на *-нибудь* (**Отсутствует какая-нибудь заинтересованность*), и отрицательные местоимения (**Он лишен никакой привлекательности*); местоимение ОП—это главное неререферентное местоимение для широкого круга глаголов с внутрисловным отрицанием: *отсутствовать, быть лишенным, отрицать, воздерживаться, исключать; прекратить, утратить, отнять, запретить, отметить, избавить, отказаться, отвергать, избегать, потерять* и др.:

- (96) Отсутствует *какая бы то ни было/какая-либо* внутренняя цензура.

Местоимение ОП—это, зачастую, единственная возможность выразить экзистенциальную квантификацию в контексте глаголов из этого списка. Впрочем, при некоторых глаголах местоимение ОП взаимозаменяемо с *любой*, которое, как показывают примеры (85), (86) из Разд. 4.3, может выражать всеобщность в контексте подчиненного отрицания,—в том числе и внутрисловного:

- (97) Он отвергает *какую бы то ни было* власть.

- (98) Он отвергает *любую* власть.

Поскольку *отвергает* \approx 'не признает', равнозначность (97) и (98) можно объяснить логической эквивалентностью:

$$\neg\exists x P(x) \equiv \forall x \neg P(x).$$

Например, *любой* конкурирует с *какой бы то ни было* в примерах (99)–(101):

- (99) Четверть века она молчала, отказавшись от *любых* контактов с прессой.
(НКРЯ: Т. Гончарова. А вас, Тихонов... *Общая газета*, 1998)
- (100) Но эти моменты опускались в беседе, а я избегал *любых* вопросов, чтобы
лишний раз не напоминать о себе. (НКРЯ: М. Елизаров. *Госпиталь*. 2009)
- (101) Даже роса в этот день считалась лечебной: избавит от *любых* болячек на лице.
(НКРЯ: Тверской Иван Купала. *Народное творчество*, 2004)

Охарактеризовать условия, при которых *какой бы то ни было* заменимо на *любой* при отрицании, можно так: *любой* требует контекста, где речь идет об отрицании существования 'потенциально' существующего множества или объекта, но не о прекращении существования 'реально' существовавшего. Так, отказаться можно и от реальных, и от потенциальных контактов; поэтому можно сказать и *отказался от каких бы то ни было контактов*, и *отказался от любых контактов*. А *потерять* можно *какую бы то ни было*, но не *любую* способность сопротивляться, поскольку *потерять* предполагает предшествующее реальное, а не потенциальное обладание способностью. (При этом допустимо *потерял всякую способность*.)

г) Местоимение ОП возможно в контексте внутрисловного отрицания в подчиняющей пропозиции, а именно, в составе предиката со значением неуверенности, нереальности и пр. (в частности, вводного слова, типа *едва ли*, ср. англ. *hardly* и *barely*). Это контекст, для которого именно местоимение ОП является оптимальным вариантом:

- (102) Бесполезно говорить им *что бы то ни было*.
(103) Едва ли он учился *чему бы то ни было*.

В частности, местоимения ОП уместны в контексте предлогов *без*, *вне*, *вместо* (с внутрисловным отрицанием):

- (104) Дивон—маленький городок без туристических объектов, без *какой бы то ни было* спешки и суеты.
(НКРЯ: Я. Зубцова. Прекрасный маршрут. *Домовой*, 2002.04.04)

Отрицательное местоимение вместо местоимения ОП в контексте *без*—это для русского языка стилизованная аномалия (надо сказать—*без всякой*):

- (105) А Зинка, как ненормальная, отдала [деньги] шербатой без *никакой* расписки, на веру.
(НКРЯ: И. Грекова. *Перелом*. 1987)

Внутрисловное отрицание в семантике временных союзов *прежде чем* и *перед тем, как* (отмечено в Zwarts 1995) тоже лицензирует местоимения ОП:

- (106) Он ушел прежде, чем я успел *что-либо/что бы то ни было* сказать.

2. Сопредикатная ИГ

2.1 Сопредикатная ИГ с квантором общности

В контексте сопредикатной ИГ, связанной квантором \forall , где возможны местоимения на *-нибудь*, см. (107), местоимения ОП исключены, см. (108):

- (107) Каждый сказал *что-нибудь*.
(108) *Каждый сказал *что бы то ни было/что-либо*.

2.2 Сопредикатная ИГ с числовым квантором существования

Местоимения ОП, как и местоимения на *-нибудь*, возможны в контексте числового квантора существования—предположительно, потому, что в семантике конструкции есть отрицание:

- (109) Ровно три человека видели *хоть что-нибудь* = ‘не больше трех’.
 (110) Самое большее пять человек видели *что бы то ни было* = ‘не больше пяти’.
 (111) По крайней мере три человека видели *что бы то ни было* = ‘не меньше трех’.

Местоимения ОП допустимы в контексте *мало*, но не в контексте *много*—в *мало* есть внутрисловное отрицание:

- (112) Мало кто видел *<хоть> что-нибудь*.
 (113) Мало кто имел *какое бы то ни было* представление о предмете.
 [Ср. *Многие имели *какое бы то ни было* представление о предмете.]

3. Узуальность и многократность

В контексте узуальности и многократности, т.е. наречий *часто*, *обычно*, *иногда*, где вполне уместны местоимения на *-нибудь* (с дистрибутивным приращением), ОП исключены:

- (114) С такими, как он, часто **что-либо* / **что бы то ни было* случается.
 (115) Дарья обычно звонит **кому-либо* / **кому бы то ни было*, когда ей скучно.

Допустимость местоимений ОП в контексте *редко* объясняется его внутрисловным отрицанием:

- (116) Он редко обсуждает с *кем-либо* свои дела. / Он редко забывает *что бы то ни было*.

4. Условие

а) Контекст придаточного условного:

- (117) [в] случае, если возникнут *какие бы то ни было* экономические проблемы, виноват будет Кудрин.
 [= *какие-либо*]
 (НКРЯ: М. Блант. Кассандра в ранге советника. *Еженедельный журнал*, 2003.03.08)

б) Контекст деепричастного оборота может быть подобен условному:

- (118) Решая *какую бы то ни было* частную задачу, надо думать о языке в целом.

в) Целевой оборот может быть подобен условному:

- (119) Чтобы требовать от людей неукоснительного соблюдения *каких бы то ни было* правил, нужно [...] создать условия для их выполнения.
 [= *каких-либо*] (НКРЯ: Дорога для идиота. *РИА Новости*, 2008.01.29)

г) Определение в составе ИГ с универсальной квантификацией—это скрытое условие, так что местоимения ОП допустимы здесь так же, как в контексте условия (и имеют значение ‘какой-нибудь’):

- (120) [Я] всю косметику с каким бы то ни было ароматом убрала.
 [= 'имеющую какой бы то ни было аромат']
 (НКРЯ: Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум). 2004)

д) В примере (121) *бы ни* находится в контексте определения к ИГ в общеродовом значении—т.е. к ИГ с подразумеваемой универсальной квантификацией (*там, где ≈ везде, где*). А в (122), где нет этого контекста всеобщности, обороту на *бы ни* не обеспечен нужный ему неверидиктальный контекст, и в современном языке такое употребление невозможно—надо сказать *тех или иных*:

- (121) Там, где эти силы вследствие *каких бы то ни было* причин остаются в стороне, [...] там все санитарные учреждения государства обречены на бездеятельность. (НКРЯ: Ф. Ф. Эрисман. *Общественная гигиена*. 1871–1908).
- (122) [...] в нашем обществе, вследствие *каких бы то ни было причин*, обострилось внимание к изобилию молодых девушек, идущих путем, делающим бесчестие их полу. (НКРЯ: Н. С. Лесков. *Пагубники*. 1885)

5. Вопрос

- (123) Задавал ли он тебе *какие бы то ни было/какие-либо* каверзные вопросы?

6. Дизъюнкция, т.е. разделительные союзы (или; либо... либо)

В контексте дизъюнкции возможны местоимения на *-нибудь*, а местоимения ОП невозможны. В примере (124) местоимения ОП возможно потому, что *или* находится в контексте вышестоящего отрицания:

- (124) Там нет ни трудностей, ни *каких бы то ни было/каких-либо* интересных задач.

Контексты 7. Модальности: возможность и необходимость, 8. Будущее время, 9. Установки, касающиеся будущего (желание и проч.), 10. Неуверенность, предположительность, нереальность и просто мнение, лицензируют местоимения на *-нибудь*, но не местоимения ОП.

11. Сравнение

- (125) [Е]й с ребенком лучше находиться дома, чем где бы то ни было.
 (НКРЯ: Л. Улицкая. *Путешествие... Новый мир*. 2000)

6 Отрицательная полярность и неверидиктальный контекст

Итак, местоимения и обороты ОП, на *-либо* и *бы то ни было*, употребляются: в контексте 1. Отрицания (обычно не сопредикатного, а вышестоящего или внутрисловного), 2.2 Сопредикатная ИГ с числовым квантором существования, а также в контексте 4. Условия, 5. Вопросы и 11. Сравнения, как это свойственно NPI во многих языках. Все эти контексты неверидиктальные.

Однако ОП невозможны в неверидиктальных контекстах 7.–9., а также в контексте 2.1. Сопредикатная ИГ с квантором общности, и 3. Узуальность и многократность. Эти контексты тоже обслуживают местоимения на *-нибудь*, NSI, а не местоимения ОП.

Самый характерный для русских ОП контекст—это внутрисловное отрицание. Так, в примере (126) отрицательный компонент в семантике слова *врет* лицензирует местоимения ОП, а в (127), где возникает двойное отрицание и положительный смысл, местоимения ОП исключены:

(126) Он врет, что читал *что-либо* / *что бы то ни было*.

(127) Он не врет, что читал **что-либо* / **что бы то ни было*.

Пример (128) выявляет релевантный отрицательный компонент в составе слова *конец*—в контексте антонима *начало* местоимение ОП неуместно:

(128) а. Это конец *какой бы то ни было* свободной экономике.

б. *Это начало *какой бы то ни было* свободной экономики.

В примере (129) *бы ни* лицензируется внутрисловным отрицанием в составе глагола *караются*—в (130), где отрицания в составе предиката нет, *бы ни* невозможно:

(129) Разговоры с заключенными, а тем более передача им *каких бы то ни было сведений*, сурово караются годами дисциплинарного батальона.

(НКРЯ: В. В. Куйбышев. *Эпизоды из моей жизни*. 1930–1935)

(130) *На этом этапе допускаются разговоры с заключенными, а также передача им *каких бы то ни было вещей*.

Как известно, семантическое разложение слова *только* выявляет в нем отрицательный компонент (Богуславский 1985, с. 83–100). И действительно, *только* лицензирует *какой бы то ни было* (см. об этом в Giannakidou 2006):

(131) Только Петя понял *что бы то ни было* в этом докладе.

(132) *Петя понял *что бы то ни было* в этом докладе.

В (133) ОП лицензируется отрицанием, которое входит в семантику конструкции:

(133) Я слишком устал, чтобы спорить с кем *бы то ни было* \supset ‘не стану спорить’.

(134) Ребенок слишком мал, чтобы понимать *что бы то ни было* \supset ‘не понимает [ничего]’.

Отрицание в вопросе порождает утвердительное предположение (Падучева 2013, с. 156)—которое отпугивает *какой бы то ни было*, см. (136):

(135) Задавал ли он тебе *какие-нибудь* / *какие бы то ни было* вопросы?

(136) Не задавал ли он тебе *каких-нибудь* / **каких бы то ни было* вопросов?

В примере (137) (на базе Рожнова 2009) речь идет о ситуации, которая имела место ровно один раз, и почему бы тут контексту ОП не быть веридиктальным? Однако здесь, как и в других контекстах числового квантора существования, не утверждается, что произошло событие P, а констатируется факт, состоящий в том, что событие P имело место один раз—и никогда больше; отсюда законное местоимение ОП:

(137) Это был единственный раз, когда я *кого бы то ни было* ударил.

Есть примеры, которые могут поставить под сомнение тезис о том, что местоимения ОП требуют неверидиктального контекста. Так, в примере (138), по мотивам Giannakidou (2006), уместность *какой бы то ни было* вызывает удивление, поскольку

контекст пропозиционального актанта фактивного глагола по определению веридиктальный:

(138) Он сожалеет, что принимал от нее *какие бы то ни было* подарки.

Можно думать, *какой бы то ни было* лицензируется в (138) внутрисловным отрицанием в семантике *сожалеть*: из *сожалеет, что принимал* следует ‘лучше бы не принимал’. Охватывается ли такое внутрисловное отрицание определением неверидиктальности—это вопрос.

Представляет интерес пример (139) (на базе Giannakidou 2006, со ссылкой на Linebarger 1980, 1987), где тоже *какой бы то ни было* употребляется в веридиктальном контексте, нарушая общее правило:

(139) Он был до смерти рад, что мы достали ему *какой бы то ни было* билет.

Этому примеру можно предложить следующее объяснение.

Прежде всего, заметим, что пропозиция ‘мы достали ему *какой бы то ни было* билет’ не может быть употреблена как самостоятельное утверждение—хотя это контекст заведомо веридиктальный:

(140) *Мы достали ему *какой бы то ни было* билет.

А дело в том, что *какой бы то ни было* может иметь, наряду со своим собственным значением, уступительное значение ‘хоть какой-то’; и именно в этом значении *какой бы то ни было* употребляется в примере (139). Это значение выражается также оборотом *какой ни на есть*, и фраза (141) нормальна:

(141) Мы достали ему *какой ни на есть* билет.

Очевидно, значение ‘хоть какой-то’, для *какой ни на есть* обычное, для *какой бы то ни было* является форсированным: оно вынуждается контекстом подчиняющего предиката пропозициональной установки, а вне этого контекста не возникает. Но в таком случае пример (139) не нарушает правила о том, что *какой бы то ни было* требует неверидиктального контекста: этот оборот употребляется в (139) в другом значении. Кстати, в (139) *какой бы то ни было* нельзя заменить на *какой-либо*, которое не имеет значения ‘хоть какой-то’ ни в каком контексте.

Аналогичное решение возможно и для примера (142) (тоже на базе Giannakidou 2006):

(142) Я удивился, что у Зины есть *какие бы то ни было* друзья.

Пропозиция с *какой бы то ни было* не может быть употреблена как самостоятельное утверждение вне контекста подчиняющего предиката:

(143) *У Зины есть *какие бы то ни было* друзья.

Но у *какой бы то ни было* в (142) можно усмотреть уступительное значение, которое выражается оборотом *какой ни на есть* (ср. также *какой-никакой*). Оборот *какой ни на есть* не требует неверидиктального контекста, отсюда законное (144):

(144) У Зины есть *какие ни на есть* друзья.

В таком случае и (142) не опровергает положения о неверидиктальности *какой бы то ни было* в его основном значении.

7 Оборот на *бы ни* в составе обособленной конструкции

В Разд. 5 и 6 были рассмотрены обороты местоимения на *-либо* и обороты на *бы ни* в их основном употреблении, а именно, в составе пропозиции, которая находится в сфере действия операторов снятой утвердительности—отрицания, условия, вопроса, сравнения. Иное дело—обороты на *бы ни* в обособленной конструкции: тут контекста подчиняющего оператора снятой утвердительности не требуется.

Прилагательное *какой* в составе оборота *какой бы ни был* может иметь краткую форму *каков бы ни был*, которая, как все краткие формы, имеет предикативное употребление. Предикативная обособленная конструкция обеспечивает специальный способ заполнения обязательной для кванторного оборота валентности на пропозицию—эта валентность заполняется главной частью того предложения, в состав которого входит обособленный оборот:

- (145) Потому что Аня понимала: *каков бы ни был руководитель*, авторитет *его* нужно беречь. (НКРЯ: Л. Р. Кабо. *Ровесники Октября*. 1964)

Имя в составе обособленного оборота (*руководитель*) и местоимение-анафор в составе главной части предложения (*его*) связаны отношением кореферентности (может быть и наоборот—местоимение-анафор входит в состав оборота, а антецедент находится в главной части, см. ниже пример (149)).

Анафор в главной части может быть нулевым. Так, в (146) главная часть, очевидно, предполагает сирконстант ‘и при этом режиме’, в (147)—‘и при этой погоде’:

- (146) *Каков бы ни был режим*—Россия наша Родина. (НКРЯ: А. Андреев. Будущее принадлежит нам! *Завтра*, 2003.08.22)

- (147) Встаю я всегда рано, натошак отправляюсь гулять [...], *какова бы ни была* погода. (НКРЯ: В. П. Авенариус. *Юношеские годы Пушкина*. 1888)

В (148) кореферентные соотношения между обособленным оборотом и главным предложением более сложные, но они есть:

- (148) *Каков бы ни был образ моих мыслей*, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. (НКРЯ: А. С. Пушкин. *Опровержение на критики*. 1830)

Предикативное употребление в составе обособленной конструкции может иметь и полная форма—*какой бы ни был*:

- (149) [...] закон, *какой бы он ни был*, должен строго соблюдаться. (НКРЯ: К. М. Станюкович. *Событие*. 1902)

Обособленная конструкция—это вторичная предикация, и она имеет вторичную асертивность. Употребление оборота на *бы ни* в составе обособленной конструкции веридиктальное.

В обычном употреблении—в контексте вышестоящего отрицания, а также в контексте придаточного условного или вопроса, оборот на *бы ни* выражает экзистенциальную квантификацию; он ведет себя подобно местоимению серии *-нибудь* и может, иногда, заменяться на *-нибудь*:

(150) [В] случае, если возникнут *какие бы то ни было* экономические проблемы, виноват будет Кудрин.

[= *какие-нибудь*]

(НКРЯ: М. Блант. Кассандра... *Еженедельный журнал*, 2003.04.089)

Между тем в контексте обособления, а значит, ассертивности (хотя бы и вторичной), оборот с *бы ни* выражает значение всеобщности; он подобен местоимению *любой* и заменяется на *любой*. Так, в (146) *каков бы ни был режим = при любом режиме*. Ср. также (151):

(151) [*К*] *каков бы ни был итог референдума*, внимание к кипрской проблеме не ослабнет.

[= при *любом* итоге референдума]

(НКРЯ: С. В. Лавров. Выступление на ... *Дипломатический вестник*, 2004.05.25)

Возможен вариант той же конструкции с плеонастическим *всякий, любой*:

(152) Ты разсуди сам, что по природе *всякой* человек, *каков бы ни был*, желает:

1) умняе других быть и чтоб от других почтение и любовь иметь [...].

(НКРЯ: В. Н. Татищев. *Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах*. 1733)

Итак, в своем адъективном варианте обороты серии *бы ни* принадлежат к классу ОП: они употребляются в неверидиктальном контексте—в сфере действия операторов отрицания, условия, вопроса; по значению сближаются с *-нибудь*, первичная функция которых—экзистенциальная квантификация; взаимозаменяемы с местоимениями на *-нибудь* или находятся в дополнительном распределении с ними. Между тем в составе обособленной конструкции, т.е. в предикативном варианте и в веридиктальном контексте, местоимения на *бы ни* имеют значение всеобщности—выражают универсальную квантификацию. В этом контексте оборот на *бы ни* синонимичен местоимению *любой*.

В составе обособленной конструкции оборот на *бы ни* представляет собой предикативный вариант квантора общности:

(153) *каков бы ни был* x , $P(x)$

[= 'свойством P обладают все объекты квантифицируемого множества, независимо от каких-либо их индивидуальных свойств']

Впрочем, универсальная квантификация имеет место только при условии, что вершиной именной группы в составе оборота является общее имя, как в (154):

(154) *Какой бы ни был закон, он* должен строго соблюдаться = *Любой закон* должен строго соблюдаться.

Если подлежащим в обороте *каков бы ни был* является определенная дескрипция, то речь идет не о множестве индивидов с разными свойствами, а об идентификации индивида, которому в главном предложении соответствует личное местоимение; например, в (155)—об идентификации цели, которая единственна, но неизвестна или несущественна; в (156)—об идентификации судьбы:

(155) *Какова бы ни была цель* этих опытов, *она* едва ли будет достигнута.

(156) Итак, *какова бы ни была* твоя *судьба*, ты [...] должен быть доволен *ею*.

(НКРЯ: А. П. Ладинский. *В дни Каракаллы*. 1959)

Если подлежащее—имя собственное, конструкция вида *каков бы ни был* x , $P(x)$ означает ‘несмотря на свойства индивида x , скорее всего, плохие, $P(x)$ ’:

- (157) *Каков бы ни был Василий Иванович*, не тебе бы, Юлка, так презрительно о нем отзываться!
(НКРЯ: К. М. Станюкович. *Василий Иванович*. 1866)

Свойства, которые могли бы препятствовать участию индивида x в ситуации P , могут быть указаны эксплицитно:

- (158) Надо уважать всякого человека, *какой бы он ни был* жалкий и смешной.
(НКРЯ: Л. Н. Толстой. *Путь жизни*. 1910)

Значение уступительности, которое при этом возникает, может быть выражено явно:

- (159) Ну, *какой бы он ни был*, хоть лыком шитый, а все-таки он тебе муж.
(НКРЯ: М. Н. Загоскин. *Москва и москвичи*. 1842–1850)

Итак, общая семантика конструкции *каков бы ни был* x , $P(x)$ —‘индивид x участвует в ситуации $P(x)$, независимо от его свойств или сущности’. Универсальная квантификация, т.е. всеобщность как одно из частных значений обособленного оборота на *бы ни*, объясняет синонимию *как бы то ни было* и *в любом случае*.

Обороты на *бы ни* с субстантивной и адвербиальной основой (*кто бы ни*, *где бы ни* и т.п.) тоже способны к обособлению. Но в случае адъективной основы главная и обособленная часть связаны анафорически, см. (160)–(161), а в случае субстантивной или адвербиальной основы всеобщность должна быть эксплицитно выражена в главной части, см. (162)–(165):

- (160) закон, *какой бы он ни был*, должен строго соблюдаться.

- (161) *какой бы ни был закон*, он должен строго соблюдаться.

- (162) Люди, *где бы* они ни жили, *везде* заслуживают только подлинного искусства [...].
(НКРЯ: И. А. Архипова. *Музыка жизни*. 1996)

- (163) *Где бы* он ни работал, *всегда* оставлял [там] интересную про себя историю.
(НКРЯ: И. Э. Кио. *Иллюзии без иллюзий*. 1995–1999)

- (164) *кто бы ни* был у тебя в городе, *всех* выведи из сего места, ибо мы истребим сие место.
(НКРЯ: О. Стеняев. *Входите тесными вратами. Наш современник*. 2004.10.15)

- (165) Но *кто бы ни* шел к барьеру, *все*, за редчайшими исключениями, имели вид льстивый, улыбались заискивающе.
(НКРЯ: М. А. Булгаков. *Театральный роман*. 1936–1937)

Логическая структура предложений типа (162)–(165) лучше видна в том варианте конструкции, где оборот на *бы ни* примыкает к местоимению, выражающему универсальную квантификацию:

- (166) Но вообще *везде*, *где бы* она ни появилась, сразу становится как-то более радостно и оживленно. (НКРЯ: Л. Архипова. *Полет. Домовой*, 2002.11.04)

Если ИГ в главной части конкретно-референтная, конструкция не выражает всеобщность, а ставит вопрос об идентификации индивида (как в примерах (155), (156) выше), анафором может быть местоимение 3 лица:

- (167) Но *кто бы ни* стоял за «сливом», отчасти он своего уже добился.
(НКРЯ: Д. Великовский. Рыцари плаща и пиара. *Русский репортер*, 45(173). 2010.11.18)
- (168) [*Кто бы ни* стал следующим президентом, он должен заниматься исправлением ситуации в сфере здравоохранения].
(НКРЯ: Р. Хестанов. Географический марксизм. *Русский репортер*, 18(48). 2008.02.21–28)

Интересно, что англ. *ever*, как в *Have you ever seen a wombat?* ‘ты когда-нибудь видел вомбата?’, явное NPI, морфологически связано с *every*, которое выражает всеобщность. Так что в английском на этимологическом уровне прослеживается та связь, которая сохраняется на семантическом уровне у русских оборотов на *бы ни*, выражающих, в разных контекстах, существование и всеобщность.

Английская местоименная серия на *ever* (*whenever, wherever, whoever*, etc.) составляет полную аналогию к русским оборотам на *бы ни* в обособленном употреблении, как в примерах (160)–(165).

8 Различия между оборотами на *бы ни* и местоимениями на *-либо*

Итак, у оборотов на *бы ни* есть, помимо обычного адъективного, обособленное предикативное употребление, когда они выходят за пределы неверидиктального контекста, становясь показателями всеобщности. Местоимения серии *-либо* не допускают обособления и употребляются только в неверидиктальных контекстах. Они остаются в статусе референциально дефектного показателя, для которого допустимо употребление только в сфере действия оператора, снимающего утвердительность.

Так что обороты на *бы ни* и местоимения на *-либо* составляют единство как местоимения отрицательной полярности, но различаются тем, что обороты на *бы ни* могут входить в обособленную конструкцию и иметь значение всеобщности, а у местоимений на *-либо* этой возможности нет.

9 Источники неверидиктальности

Референциальная дефектность местоимений на *-нибудь* и *-либо* и сужение их дистрибуции до неверидиктальных контекстов имеет отчасти морфосинтаксическое, отчасти историческое объяснение: эта ограниченная дистрибуция предопределена их морфологической структурой.

Рассмотрим, прежде всего, оборот на *бы ни* в предикативном варианте, *каков бы ни был*. В него входит относительное местоимение, частица *бы* и частица *ни*. В этом обороте относительное местоимение показывает, что предикация подчиненная, а частица *бы* при глаголе выражает сослагательное наклонение. Остается частица *ни*. В Зализняк (2008, с. 274–276) описана древнерусская частица *нѣ / но* с модальным значением, а про частицу *ни* говорится, что она «может выступать в той же роли, что *нѣ / но* в сочетаниях с обобщающим значением». Так, во фразе со значением ‘где ни найдут себе князя новгородцы, оттуда пусть и будет у них князь’ в Ипатьевской летописи употреблена частица *но*, а в Лаврентьевской, как и в современном языке, — *ни*. Именно это обобщающее (не отрицательное!) значение имеет частица *ни* в примерах (146), (151), (154) в Разд. 7.

Местоимение *то* строит адъективный вариант того же оборота, который позволяет соединить две предикации в одну. Но оборот на *бы то ни было* выражает не универсальную, а экзистенциальную квантификацию и допустим только в ограниченном числе неверидиктальных контекстов, см. Разд. 5. Так, (170) правильное предложение, а (169)—нет:

(169) *Какие бы то ни было правила надо выполнять (ср.: Каковы бы ни были правила, их надо выполнять).

(170) Я не нарушал каких *бы то ни было* правил.

В составе местоимений на *-нибудь* (из *-ни + будь*) исторически усматривается форма побудительного наклонения в значении сослагательного, отсюда неверидиктальность:

(171) какой-нибудь закон < какой [закон] ни будь = какой бы [закон] ни был.

Наконец, *-либо*—это, по Фасмеру (1986), *ли + бо*, где *ли* < *или*. Это позволяет усмотреть в семантике *-либо* дизъюнкцию, которая тоже противоречит веридиктальности.

Неверидиктальные предпочтения оборота *тот или иной* легко объясняются входящим в его состав разделительным союзом *или*.

Интересна еще частица *на* в составе оборота *кто ни на есть*. Согласно Зализняк (2008, с. 276–277), это та же модальная частица *ни*, что в оборотах на *бы ни*, но с другой огласовкой. (Такое скопление частиц—проявление тенденции, характерной для древнерусского языка; ее остатки засвидетельствованы в говорах, см. Архангельский областной словарь *где-нибудь*, *где-нинато* и др.)

Частица *ни* в *какой-нибудь закон* и *какой бы ни был закон* одна и та же, и семантически и этимологически; различные понимания обусловлены различием в сфере действия. И почему местоимения на *-нибудь*, *бы ни* и *-либо* неверидиктальные, понятно. Однако почему значение и набор допустимых контекстов у них разный, объяснить не удастся. Хотя в принципе желательно ориентироваться на максимум, цитируемую в Giannakidou (2001, с. 666), что «limited distribution is derived directly from the lexical semantics of the item in question».

10 Нереперентные и неконкретно-реперентные неопределенные местоимения

Рассмотренные в Разд. 4 классы неопределенных местоимений можно объединить в следующие типы:

Тип I—конкретно-реперентные; это слабоопределенные местоимения и местоимения неизвестности на *-то*; такое местоимение соотносится с некоторым выделенным объектом; оно допустимо в контексте эпизодической пропозиции.

Тип II—нереперентные, иначе—неверидиктальные; это местоимения на *-нибудь*, NSI, а также местоимения на *-либо* и обороты на *бы ни*, отрицательно поляризованные; им соответствует сентенциальный оператор, который может находиться только в сфере действия оператора снятой утвердительности—в неверидиктальном контексте.

Тип III—неконкретно-реперентные; это местоимение *любой* и серия на *удобно* (равно как и *всякий*, *каждый*), а также обороты на *бы ни* в обособленной конструкции. Это показатели универсальной квантификации, веридиктальные. Они недопустимы в контексте эпизодических пропозиций: их сфера действия ограничена общеродовыми (generic), узуальными, интенциональными и модальными контекстами.

Употребления *любой* в значении свободного выбора и просто в экзистенциальном значении, неверидиктальные, относятся к типу II.

Эта классификация позволяет выделить именные группы, допустимые в контексте эпизодических пропозиций—тут тип I противопоставлен типам II и III. С другой стороны, веридиктальность объединяет тип I и тип III, отделяя его от типа II, неверидиктального.

Итак, область, покрываемая традиционным термином 'неопределенное местоимение', имеет размытые границы с двух сторон: слева (если глядеть на семантическую карту из Haspelmath 1997, с. 71) граница размыта потому, что в число неопределенных местоимений входят слабоопределенные, справа—потому, что показатели неопределенности оказываются одновременно показателями универсальной квантификации, которые имеют много общего с определенностью, см. Шмелев (1996, с. 59 и след.).

11 Взаимозаменяемость местоимений разных типов

Как уже отмечалось, рассмотренные типы неопределенных местоимений, будучи противопоставлены в одних контекстах, в других контекстах взаимозаменяемы (и иногда синонимичны).

1. Местоимения на *-то* синонимичны местоимениям на *-нибудь* (точнее, могут употребляться в значении *-нибудь*) в следующих контекстах (неверидиктальных):

– условия:

(172) Если он *что-нибудь* / *что-то* утаил, он за это поплатится.

(173) Если возникнут *какие-нибудь* / *какие-то* проблемы, звони.

– цели:

(174) Но для того чтобы научиться *чему-нибудь*, надо работать.

[= чтобы научиться *чему-то*]

(НКРЯ: А. Фенько. Студент всегда прав. *Коммерсантъ-Власть*. 2002)

– дизъюнкции:

(175) Он взял с собой Машу или *кого-нибудь* / *кого-то* из ее подруг.

2. Местоимения ОП и местоимения на *-нибудь* взаимозаменяемы (и синонимичны):

– в контексте союзов *если, чтобы*:

(176) Чтобы требовать от людей неукоснительного соблюдения *каких бы то ни было* / *каких-нибудь* правил, нужно создать условия для их выполнения.

– в вопросе:

(177) Задавал ли он тебе *какие бы то ни было* / *какие-нибудь* каверзные вопросы?

– в контексте ограничительного условия в составе ИГ с универсальной квантификацией:

(178) Всякий, кто имел *какое бы то ни было* / [*хоть*] *какое-нибудь* отношение к делу, должен высказаться.

– в контексте подчиняющего предиката с внутрисловным отрицанием:

- (179) Сомневаюсь, что это кому бы то ни было / кому-нибудь известно.
[= хоть кому-нибудь]

– в контексте временных союзов *прежде чем*, *перед тем*, *как и как только* местоимение ОП лицензируется отрицанием, а местоимение на *-нибудь*—будущим временем:

- (180) Она позвонит, как только узнает что бы то ни было / что-нибудь.

- (181) Перед тем как что бы то ни было / что-нибудь сказать, следует подумать.

3. Местоимения ОП и *любой* взаимозаменяемы (и синонимичны) в контексте:

– условия:

- (182) Решая какую бы то ни было / любую частную задачу, надо думать о языке в целом.

– сравнения:

- (183) Когда что-то не получилось, критикуешь себя жестче, чем любой критик.
[= какой бы то ни было] (НКРЯ: Ю. Башмет. *Вокзал мечты*. 2003)

- (184) Проведение в жизнь этих директив сейчас более необходимо, чем когда бы то ни было / когда-либо.
[= чем в любое другое время]

– внутрисловного отрицания:

- (185) Это конец какой бы то ни было / любой свободной экономике.

- (186) Он отвергает какую бы то ни было / любую власть.

- (187) Разговоры с заключенными, а тем более передача им каких бы то ни было сведений, сурово караются годами дисциплинарного батальона.
[= любых сведений]

(НКРЯ: В. В. Куйбышев. *Эпизоды из моей жизни*. 1930–1935)

4. Местоимение ОП и отрицательное могут быть синонимичны в контексте сопредикатного отрицания:

- (188) Я не вижу никаких / каких-либо / каких бы то не было причин отказываться от этого предложения.

Единственный контекст, который близок к тому, чтобы быть в единоличном распоряжении местоимений ОП,—это внутрисловное отрицание: местоимение на *-нибудь* здесь неуместно. Однако эту монополию нарушает *любой*, см. примеры (60)–(64) в Разд. 4.3.

5. Местоимение на *-либо* может употребляться в значении местоимения на *-нибудь*. Хотя в Разд. 4 важно было подчеркнуть, что *-либо* не равно *-нибудь*, есть контексты, где *-либо* так употребляется в значении *-нибудь*. Так, минимизатор *хоть* сочетается с местоимением на *-нибудь*, но никогда не сочетается с местоимением ОП; поэтому в примере (189), где *хоть* сочетается с *что-либо*, оно безусловно употреблено в значении ‘что-нибудь’:

- (189) Пусть кто-нибудь укажет *хоть что-либо* подобное.
(НКРЯ: Н. И. Бухарин. *Новое открытие о советской экономике* . . .
1924)

6. Даже слабоопределенные местоимения втягиваются в игру. Так, *некоторый* относится в своем исходном значении к слабоопределенным местоимениям, но может употребляться в общеэкзистенциальном значении (Падучева 1985, с. 94) и быть не термовым, а главным сентенциальным оператором предложения:

- (190) *Некоторые* реки летом пересыхают.
[= *Есть* реки, которые летом пересыхают.]

То есть *некоторый* выражает экзистенциальную квантификацию, но допускает вердиктальное употребление.

Пример (190) демонстрирует синонимию предикативного (*есть, существует*) и атрибутивного (*какой бы ни был*) квантора существования; пример (191) демонстрирует то же для квантора общности:

- (191) *Какой бы ни был закон, он* должен строго соблюдаться.
[= *Любой закон* должен строго соблюдаться.]

12 Downward entailment как обобщение для контекстов, лицензирующих NPI

В рамках формальной семантики были попытки выявить единую семантику у набора контекстов, допускающих NPI. В Ladusaw (1980) была выдвинута гипотеза, что все контексты, допускающие NPI, объединены тем свойством, что это контексты операторов 'выводящих вниз'—это Downward Entailing operators, DE-операторы.

Для вердиктального контекста следует ожидать Upward Entailing (UE)—из более сильного утверждения следует более слабое; это UE-контекст. Например:

- (192) Боря бежал быстро \supset Боря бежал.
(193) Боря утром ел сливы \supset Боря утром ел фрукты.

В контексте DE-оператора отношение следования меняется на обратное. Так, отрицание—это DE-оператор; и в контексте отрицания из более слабого утверждения следует более сильное. Например,

- (194) НЕ (Боря бежал) \supset НЕ (Боря бежал быстро).
(195) НЕ (Боря утром ел фрукты) \supset НЕ (Боря утром ел сливы).

Гипотеза Ладусо предлагает усматривать семантическое сходство контекста отрицания и контекста условия—оно состоит в том, что контекст условия тоже является DE-контекстом. Однако то, что условие—это DE-контекст, не так уж очевидно. Имеется известный пример из Heim (1984). Утверждение (196б) более слабое, чем (196):

- (196) а. Джон поехал в Испанию и попал в авткатастрофу.
б. Джон поехал в Испанию.

Но замена (196б) на (196) в контексте условия не даст правильного заключения—едва ли мы согласимся, что признав истинным (197), мы вправе заключить (198):

(197) Если Джон поехал в Испанию, он хорошо провел время.

(198) Если Джон поехал в Испанию и попал в автокатастрофу, он хорошо провел время.

Для контекста вопроса и сравнения положительный исход проверки на DE еще менее вероятен.

Так что DE едва ли может претендовать на роль общего свойства контекстов, лицензирующих NPI.

13 Русские non-specific indefinite и английское *any*

В Haspelmath (1997, с. 52) местоимения ОП рассматриваются как разновидность NSI. Между тем русские референциальные показатели свидетельствуют в пользу иной картины: NSI, ОП и FC—это три отдельных референциальных класса, каждый со своим набором показателей и контекстов.

А именно, в русском языке имеются NSI, т.е. местоимения на *-нибудь*, которые выражают экзистенциальную квантификацию и обслуживают почти все контексты снятой утвердительности, см. Разд. 4.1.

Далее, имеется класс показателей ОП, куда входят местоимения на *-либо* и обороты на *бы ни*, не обособленные. Они характеризуются ограниченным набором неверидиктальных контекстов, которые не являются, однако, строгим подклассом контекстов NSI, т.е. местоимений на *-нибудь*. Обороты на *бы ни* в составе обособленной конструкции интерпретируются как показатели универсальной квантификации и употребляются в вердиктальных контекстах.

Наконец, местоимение *любой* и серия на *угодно* могут быть идентифицированы как местоимения FC в контекстах, где они выражают экзистенциальную квантификацию, осложненную семантикой выбора (осуществляемого тем или иным субъектом); в остальных контекстах они выражают либо универсальную квантификацию, либо обычную экзистенциальную, как NSI.

В примерах, где согласно Giannakidou (2001) *any* употреблено в значении FC (условие, сослагательное наклонение, модальность возможности, имплицитное разрешение, побуждение, будущее), в русском языке можно употребить местоимение на *-нибудь*. Так что ничто не мешает считать, что *any* здесь выступает как NSI, т.е. выражает экзистенциальную квантификацию. Например:

(199) If you tell it to *anybody* [= ‘кому-нибудь’], I’ll kill you.

С другой стороны, *any* широко употребляется в значении всеобщности—в контексте сопредикатной возможности; в будущем времени; в сослагательном наклонении (в значении обусловленности); в контексте ‘достаточно’, см. примеры (202) и (205) из Haspelmath (1997, с. 51):

(200) You can marry *anybody*.

(201) Petja will solve *any* problem.

(202) *Any* constituent that is moved leaves behind an empty category.

(203) I would give *anything* [= ‘все, что угодно’] to see him.

(204) At that point I would have accepted *anything*.

(205) Any amount is sufficient [= 'любой'].

Удивительным образом, английское *any* не присутствует в широком круге контекстов, который столь естественно охватывает русская серия на *-нибудь*, выражающая экзистенциальную квантификацию. А именно, *any* не употребляется в таких контекстах, как будущее, возможность (выраженная вышестоящей пропозицией), желание и многочисленные нефактивные пропозициональные установки, побуждение. В этой зоне английский язык использует местоимения не типа *any*, а типа *some*, эквиваленты которых в русском языке (*какой-то, кто-то* и т.д.) имеют первичной функцией конкретную неопределенную референцию:

- будущее: На следующей неделе я поеду *куда-нибудь* [*somewhere*];
- возможность: Возможно, она *с кем-нибудь* [*with somebody*] посоветовалась;
- желание: Я хочу, чтобы ты *куда-нибудь* [*somewhere*] поехал;
- установка: Надеюсь, мне *что-нибудь* [*something*] осталось;
- побуждение: Принеси мне *что-нибудь* [*something*] почитать.

Так, в контексте побуждения в русском языке противопоставлены NSI (*какой-нибудь*), и местоимение FC (*любой*). А в английском языке русскому *какой-нибудь* соответствует *some*, т.е. референтное неопределенное местоимение:

(206) Принеси *какую-нибудь* книгу [*some book*].

(207) Принеси *любую* книгу [*any book*].

Показательны также такие контексты русских NSI, как дизъюнкция и дистрибутивность в контексте универсальности, многократности и узуальности—их тоже обслуживают в английском языке местоимения на *some*:

(208) Either *somebody* (**anybody*) came in or we left the light on. (Giannakidou 1999)

(209) She usually reads *something* (**anything*) when she is alone.

Из Giannakidou (2001) можно извлечь два возможных аргумента против трактовки местоимения *любой* как выражающего то универсальную, то экзистенциальную квантификацию.

Аргумент 1. Имеется разница между *любой* и *всякий*, которое неоспоримо выражает универсальную квантификацию. В самом деле, *любой* и *всякий* во многом различны. Так, *любой* нельзя заменить на *всякий* в контексте, где оно употреблено в значении свободного выбора: *Принеси любую книгу* – **Принеси всякую книгу*. Но даже и там, где *любой* употреблено в значении всеобщности, замена возможна не всегда. Так, в Разд. 4.3 отмечено, что *любой*, в отличие от *всякий*, не требует непустоты квантифицируемого множества; поэтому замена невозможна в примере:

(210) Сообщай о *любых* изменениях маршрута.

Т.е. у *любой* и *всякий* разные требования к пропозиции, составляющей сферу действия. Но в языке не бывает двух лексических единиц с одинаковой дистрибуцией. Важно, что *любой*, как и *всякий*, относится к веридиктальным местоимениям. Они не требуют подчиняющего оператора, как NSI или местоимения ОП, а всего лишь накладывают определенные условия на подчиненный, см. пример (82)–(84) из Разд. 4.3.

Запрет на подчиненную эпизодическую пропозицию у *любой* ровно такой же, как у *всякий*:

(211) **Всякий* / **любой* студент решил эту задачу.

Аргумент 2. Предположение о том, что *любой* может выражать не только экзистенциальную, но и универсальную квантификацию, типологически необоснованно. С этим никак нельзя согласиться. Взять хотя бы русский оборот на *бы ни*: он выражает в адъективном варианте экзистенциальную квантификацию, а в обособленной позиции— универсальную, см. Разд. 7.

Итак, оба аргумента опровержимы. Но если признать неоднозначность *любой*, то и английское *any* можно трактовать не как дважды, а как трижды неоднозначное: оно может выражать универсальную и экзистенциальную квантификацию, а также FC— экзистенциальную квантификацию, осложненную идеей выбора (в небольшом числе контекстов).

14 Заключение

Итак, мы можем заключить, что русские местоимения отрицательной полярности употребляются в неверидиктальных контекстах, причем лишь в небольшой части тех неверидиктальных контекстов, в которых употребляются нереферентные неопределенные местоимения. Местоимения на *-либо* употребляются только в неверидиктальных контекстах. А обороты на *бы ни* допускают обособленное, предикативное употребление, где они являются веридиктальными, но выражают универсальную, а не экзистенциальную квантификацию.

Таким образом, проблема спецификации круга контекстов для NPI не решается неверидиктальностью. С одной стороны, местоимения на *-либо* и *бы ни* употребляются далеко не во всех неверидиктальных контекстах; с другой стороны, обороты на *бы ни* в предикативном варианте и, шире, в обособленной позиции употребляются в веридиктальном контексте.

Экспликативная семантика сводит веридиктальность к сфере действия оператора, выражающего квантификацию. Если местоимению или местоименному обороту соответствует синтаксический оператор, который может находиться в семантическом представлении предложения только в сфере действия какого-то оператора снятой утвердительности, то он неверидиктальный. Именно этим свойством обладают местоимения на *-нибудь*, а также местоимения и местоименные обороты ОП.

Одним из итогов настоящего исследования является эталонный перечень контекстов снятой утвердительности, который используется в Разд. 5. Некоторые контексты этого перечня диагностируют только референциально неполноценные именные группы; но в нем есть и такие контексты, которые позволяют исследовать иные эффекты снятой утвердительности—такие как неустойчивое отрицание в составе идиоматических оборотов, нестандартные сферы действия отрицания, редукция модели управления и др. (см. Падучева 2004).

По-видимому, термин веридиктальность может пониматься в несколько ином смысле, чем в данной работе. Так, в статье de Marneffe, Manning и Potts (2012) различается веридиктальность уверенная, вероятная, возможная, недоопределенная; т.е. речь идет об оценке степени достоверности тех или иных источников информации. Но это другая задача; она выходит за рамки лингвистической семантики в традиционном понимании—ее решение должно опираться во многом на внеязыковые знания.

Конечно, разные высказывания предполагают разные уровни эпистемического обязательства (commitment), принимаемого на себя говорящим. Пропозиция может быть истинной для одного говорящего и ложной для другого. Это верно, например, для высказываний, содержащих эгоцентрические элементы—высказываний о вкусах и прочих оценочных высказываний, ср. Lasersohn (2005), Condoravdi и Gawron (1996). У общеродовых высказываний тоже есть затруднения с оценкой истинности, см. Wierzbicka (1980, с. 192). Тут открывается широкое поле для исследований.

Важно то, что понятие веридиктальности оказалось одним из путей, позволяющих сблизить фактические результаты, достигнутые в рамках формальной и экспликативной семантики. Каждый из подходов позволяет внести ясность в какие-то свои аспекты языка. Так, определение модальности возможности через обращение к множеству возможных миров, которое принимается в формальной семантике, вполне может быть принято и в экспликативной: это определение отражает интуитивно ощущаемую связь между возможностью (прежде всего, эпистемической возможностью) и экзистенциальной квантификацией. Что же касается слов, относящихся к модальности долженствования, то тут представляются убедительными подходы, предлагаемые в рамках экспликативной семантики. Так, в Goddard (2014) слова типа *должен* интерпретируются не через возможные миры, а толкуются—грубо говоря, как ‘не может не’, с разными приращениями в разных контекстах. И эти толкования обладают несомненной объяснительной силой, ср. в этой связи комментарии по поводу примера (30) из Разд. 4.2.

Термин неверидиктальность позволил уточнить понятие снятой утвердительности: безотносительны к истине не все неутверждаемые пропозиции, а только те из них, которые не являются ни пресуппозициями, ни импликациями.

С другой стороны, для формальной семантики представляется полезной возможность углубиться в историю науки и соотнести понятие nonveridicality с понятием suspended assertiveness, которое бытовало в американской лингвистике еще в 60-е годы прошлого века. Так, в предисловии к недавно вышедшему сборнику *Non-veridicality and evaluation* (см. Taboada и Trnavaц 2014) понятие nonveridicality считается возникшим в 90-е годы, в работах Звартца (Zwarts 1995) и Яннакиду (Giannakidou 1998); между тем идея, фактически, возникла гораздо раньше и с успехом использовалась—если не в Америке, то в России.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1974). *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва.
- Апресян, Ю. Д. (1978). Языковая аномалия и логическое противоречие. В М. Р. Мауенова (ред.), *Техт. Језук. Поетыка* (с. 129–151). Wrocław.
- Апресян, Ю. Д. (1999). Теоретическая семантика в конце XX столетия. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 58(4), 39–53.
- Архангельский областной словарь: Гецова, О. Г. (ред.) (1980). *Архангельский областной словарь*. Москва.
- Богуславский, И. М. (1985). *Исследования по синтаксической семантике*. Москва.
- Богуславский, И. М. (2001). Модальность, сравнительность и отрицание. *Русский язык в научном освещении*, 1, 27–51.
- Богуславский, И. М. (2002). «Сандхи» в синтаксисе. *Вопросы языкознания*, 5, 19–37.
- Богуславский, И. М. (2008). Между истиной и ложью: адвербиалы в контексте снятой утвердительности. В Н. Д. Арутюнова (ред.), *Логический анализ языка. Между ложью и фантазией* (с. 67–77). Москва.
- Борщев, В. Б., Падучева, Е. В., Парти, Б. Х., Тестелец, Я. Г., & Янович, И. С. (2008). Русский родительный падеж: референтность и семантические типы. В Е. В. Рахилина (ред.), *Объектный*

- генитив при отрицании в русском языке* (Исследования по теории грамматики, 5, с. 148–175). Москва.
- Вейнрейх, У. (1970). О семантической структуре языка. В В. А. Звегинцев, *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии* (с. 163–249). Москва.
- Добровольский, Д. О. (2011). Сопоставительная фразеология: межязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом. *Русский язык в научном освещении*, 2(22), 219–246.
- Зализняк, А. А. (2008). «Слово о полку игореве»: взгляд лингвиста. Москва.
- Падучева, Е. В. (1974). *О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка*. Москва.
- Падучева, Е. В. (1985). *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимения)*. Москва.
- Падучева, Е. В. (2004). Эффект снятой утвердительности. В *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции 'Диалог 2004'. Верхневолжский, 2–7 июня 2004* (с. 479–486). Москва. Доступ: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/dialog_2004_Paducheva.pdf (31 марта 2015 г.).
- Падучева, Е. В. (2005). Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. *Русский язык в научном освещении*, 2(10), 17–42. Доступ: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/ryns2005.pdf> (12 марта 2015 г.).
- Падучева, Е. В. (2007). *Какой-нибудь и любой: контекст снятой утвердительности*. В В. Д. Мазо (ред.), *Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака* (с. 406–415). Москва.
- Падучева, Е. В. (2011). Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией. *Вопросы языкознания*, 1, 3–18. Доступ: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/vnutrilex_neg-VJa.pdf (10 марта 2015 г.).
- Падучева, Е. В. (2013). *Русское отрицательное предложение*. Москва.
- Падучева, Е. В. (2014). Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва. Доступ: <http://rusgram.ru/Модальность> (31 марта 2015 г.).
- Паршин, П. Б. (2003). Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы *хоть*). В Н. Д. Арутюнова (ред.), *Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995* (с. 149–169). Москва.
- Рожднова, М. А. (2009). *Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках* (Дипломная работа, РГГУ).
- Успенский, В. А. (1960). От редактора перевода. В А. Черч, *Введение в математическую логику* (с. 5–11). Москва.
- Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка* (Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-ое, стереотип.). Москва.
- Черч, А. (1960). *Введение в математическую логику* (Том I). Москва.
- Шмелев, А. (1996). *Референциальные механизмы русского языка* (Slavica Tamperensia, IV). Тампере.
- Abbott, B. (1999). The formal approach to meaning: formal semantics and its recent developments. *Journal of Foreign Languages* (Shanghai), 119(1), 2–20. Retrieved from <https://www.msu.edu/~abbottb/formal.htm> (10 March 2015).
- Condoravdi, C., & Gawron, J. M. (1996). The context-dependency of implicit arguments. In M. Kanazawa, Ch. J. Piñón, & H. de Swart (Eds.), *Quantifiers, deduction, and context* (pp. 1–32). Stanford.
- Dahl, Ö. (1970). Some notes on indefinites. *Language*, 46(1), 33–41.
- Fitzgibbons, N. (2014). On Russian *-libo*-items and their difference from *-nibud'*-items: the big picture. Paper presented at the 9th Annual Meeting of the Slavic linguistic Society, University of Washington, Seattle.
- Foley, W. A., & Van Valin, R. D. (1984). *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge.
- Giannakidou, A. (1998). *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam, Philadelphia.
- Giannakidou, A. (1999). Affective dependencies. *Linguistics and Philosophy*, 22(4), 367–421.
- Giannakidou, A. (2001). The meaning of free choice. *Linguistics and Philosophy*, 24(6), 659–735.
- Giannakidou, A. (2006). *Only*, emotive factives, and the dual nature of polarity dependency. *Language*, 82(3), 575–603.
- Giannakidou, A. (2011). Positive and negative polarity items. In K. von Stechow, C. Maienborn, & P. Portner (Eds.), *Semantics. An international handbook of natural language meaning* (Vol. 2, pp. 1660–1712). Berlin.
- Goddard, C. (2014). *Have to, have got to, and must: NSM analyses of English modal verbs of 'necessity'*. In M. Taboada & R. Trnavač (Eds.), *Nonveridicality and evaluation. Theoretical, computational and corpus approaches* (pp. 50–75). Leiden.

- Haspelmath, M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford.
- Heim, I. (1984). A note on negative polarity and downward entailingness. In C. Jones & P. Sells (Eds.), *Proceedings of NELS 14* (pp. 98–107). Amherst.
- Horn, L. R. (1989). *A natural history of negation*. Chicago.
- Karttunen, L., & Zaenen, A. (2005). Veridicity. In G. Katz, J. Pustejovsky, & F. Schilder (Eds.), *Annotating, extracting and reasoning about time and events. International seminar. Dagstuhl Castle. Germany. April 10–15, 2005. Revised Papers* Berlin.
- Klima, E. S. (1964). Negation in English. In J. Fodor & J. Katz (Eds.), *The structure of language. Readings in the philosophy of language* (pp. 246–323). Englewood Cliffs.
- Ladusaw, W. A. (1980). *Polarity sensitivity as inherent scope relations* (Doctoral dissertation). New York.
- Lasersohn, P. (2005). Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste. *Linguistics and Philosophy*, 28(6), 643–686.
- Linebarger, M. Ch. (1980). *The grammar of negative polarity* (Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology). Published in 1981 by the Indiana University Linguistics Club, Bloomington.
- Linebarger, M. C. (1987). Negative polarity and grammatical representation. *Linguistics and Philosophy*, 10(3), 325–387.
- de Marneffe, M., Manning, Ch., & Potts, Ch. (2012). Did it happen? The pragmatic complexity of the veridicality judgement. *Computational Linguistics*, 38(2), 301–333.
- Moore, G. E. (2003). Moore's paradox. In T. Baldwin (Ed.), *G. E. Moore. Selected Writings* (pp. 207–212). London.
- Pereltsvaig, A. (2000). Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian. In T. H. King & I. A. Sekerina (Eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL-8). The Philadelphia Meeting 1999* (Michigan Slavic Materials, 45, pp. 328–346). Ann Arbor.
- Reichenbach, H. (1947). *Elements of symbolic logic*. New York.
- Taboada, M., & Trnavac, R. (Eds.) (2014). *Nonveridicality and evaluation. Theoretical, computational and corpus approaches*. Leiden.
- Tatevosov, S. G. (2002). The parameter of actionality. *Linguistic Typology*, 6(3), 317–401.
- Weinreich, U. (1963). On the semantic structure of language. In J. Greenberg (Ed.), *Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13–15, 1961* (pp. 114–171). Cambridge.
- Wierzbicka, A. (1980). *Lingua mentalis. The semantics of natural language*. Sydney.
- Zwarts, F. (1995). Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*, 25(3–4), 286–312.